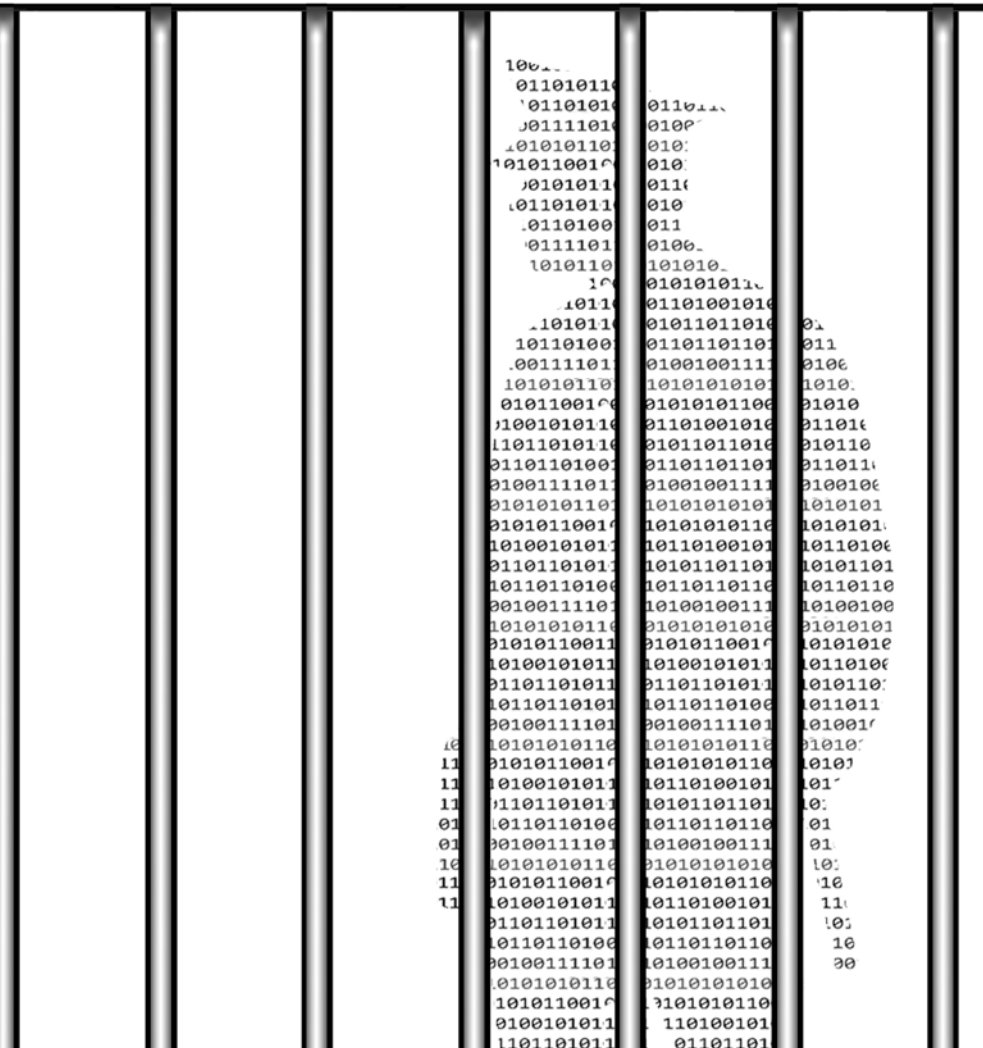
несуразный человек



«Идея, что только человеку присуще верховенство разума, устаревший вздор. Я даже обнаружил, что люди гораздо иррациональнее животных».

Карл Юнг

«Вы пишете: „Я не умею жить“. А кто умеет?»

Александр Блок

Надеяться нельзя. Он это знал — и всегда надеялся, ибо был человеком. А люди всегда надеются, даже тогда — и даже больше тогда,— когда уверяют себя или других, что нет.

Другое дело — что человек делает в надежде? Да всё он делает в надежде. Всё. Всё. Всё. Так он считал, и, наверное, он был прав, Степан Сергеевич Васнецов.

Мыслитель

Он хотел развить современную философскую мысль, заполнить пробелы, зияющие после ухода великих и нарастания современных, как теперь принято говорить, вызовов, идущих от развития искусственного интеллекта.

Надеялся ли он? Да. Верил ли он? Нет.

В повседневной жизни он был незаметным, обычным сотрудником Института проблем растениеводства. Оформлял заявки на патенты. А вот вне этого он масштабно мыслил и здорово двигался. Правда, партийность не давала развернуться как следует. Сдерживала.

Интеллект, даже искусственный, мог в сложившихся реалиях быть только партийным.

Это началось еще до научного коммунизма. И вряд ли когда-нибудь будет преодолено. Это Васнецов понимал, но был молод и поэтому наивен. А может, наоборот: наивен — и поэтому молод. Черт их разберет, этих философов.

Итак, всё, что он делал, не могло иметь публичных перспектив по вышеозначенным причинам, но Степана Сергеевича это не останавливало.

Нет, опять не так. Он пытался и много раз говорил себе и обещал даже все бросить. И бросал. Но это все как-то незаметно возвращалось, как беспризорный кот. Бах — и он опять бродит рядом с тобой. Или лежит возле. Как? Когда? Нет ответа. Сознание молчит, а подсознание и подавно.

Вот примерно так он и бродил сам — эдаким котом за своей страстью.

Нет, страсть — слишком кричащее название. Нет, он бродил с самим собой, придумывая и продумывая, писал что-то — и потом всё снова. Так растет дерево. Не вдруг, а то весело, то мучительно, а то и никак.

Предположения

Из работы товарища Васнецова С. С.:

«Попытки развития искусственного интеллекта как внеидеологического конструкта разобьются об обычные действия системы, которая постоянно ищет риски неповиновения объекта управления и, следовательно, включает контроль как базовый элемент разрешения на те или иные самостоятельные действия.

Следовательно, все возможности серфинга и межмодального превращения и обмена невозможны, это приведет к фрагментации поля искусственного интеллекта на манер страновых границ или будет, возможно, полностью совпадать с ними.

При таком будущем развитие будет происходить на малых скоростях, а любые акселерации будут гаситься действиями конкурентов. Системы будут глушить друг друга, следить друг за другом, копировать худшие практики контроля и уходить от созидательного взаимодействия».

Коллеги

Васнецова сотрудники страшно любили. Он был милым, безотказным и не мешал.

Среди внерабочего общения у него был один человек, с которым он делился своими настоящими замыслами. Звали его Игорь Моисеевич, он был журналистом, впрочем, какие теперь журналисты, но человек он был хороший — в том смысле, что не отказывал Степану Сергеевичу в его таланте и охотно спорил с ним по интересующим темам.

Вот и теперь они жарко спорили битый час, сидя на солнышке в скверике рядом с институтом.

— Прости меня, Степан, но это чушь — пытаться нынче витать в надтрадиционных сферах. Все,

ты слышишь, все откатились на зимние квартиры. И никто, услышь меня, никто не собирается пускать к себе лису в свою лубяную избушку,— надо заметить, Игорь Моисеевич был тот еще сказочник, в смысле сказки любил и вставлял в свои метафоры, хотя и без успеха.

— Но в том случае,— отвечал ему Васнецов,— ИИ повторит судьбу…

— Конечно, повторит,— сказал Игорь Моисеевич.— Но в этом есть указание на то, что его развитие пойдет эволюционно, будет меньше пугать, пока вы, головастики, не придумаете и не опишете все проблемы межвидового взаимодействия «человек — машина».

— Но ИИ не машина,— сказал Васнецов.

— А что тогда?

— Информационный феномен.

— То есть вместо феноменологии духа надо написать феноменологию информационного пространства? — Игорь Моисеевич засмеялся.

— Это ты хорошо сказал,— задумчиво произнес Васнецов и вдруг встрепенулся.— Я побежал, надо кое-что доделать.

— Ну беги,— приятель проводил его взглядом.

Взъерошенный Васнецов семенил по дорожке ко входу в институт.

Прорыв

Прорыв произошел, когда Васнецов перешел на работу в краеведческий музей одного маленького городка. Мэр случайно познакомился с ним, посетив институт по какому-то патентному делу, и как-то все совпало.

Мэр увлекался космологией. В крайних формах. Параллельные миры его не пугали, а уж коллектив-

ный мировой ИИ в принципе не мог ничего добавить к его бесстрашию.

В общем, сошлись. Так наш тайный философ стал директором. Начал карьеру в аппарате, как он сам любил теперь пошутить.

Они частенько обсуждали по выходным проблемы мироздания, а уж когда Васнецов подкинул мэру пару идей по поводу сопряжения черных дыр и контрамоции, тот испытал творческий переход и выделил Васнецову денег из скудного бюджета на новую крышу музейного здания. Тут уж удивились все.

Дальше. Дальше. Дальше.

Теперь Васнецову ничего не мешало круглые сутки находиться в «творческой лаборатории» — то есть в самом себе без никого. Погружение в бюрократический процесс дало новый толчок, и он выдал новые гроздья своих философских размышлений.

«Сопряжение ИИ и бюрократических процедур, с одной стороны, приведет к окончательной рюриктификации рутинного процесса и полному выдавливанию того немногого человеческого, что в нем было. А с другой стороны, открывает новые горизонты для самих бюрократов, возможность с помощью процедуры окончательно разъединить систему и народные массы».

Читая эти немудреные мысли, легко увидеть, как текучка снижает горизонт человека, даже вполне продвинутого и наделенного способностью к рефлексии. Смех да и только.

Именно так в очередной беседе и заявил Васнецову Игорь Моисеевич.

— Ну почему? Почему? — всплеснул руками наш герой.

— Да потому, Степа, что ты заменяешь черные дыры другими дырами, тоже черными и тоже важными, но примитивными до ужаса.

— Но мне крышу надо крыть. Железо надо покупать. Что ты докопался?

— А я что, я ведь только про то, что философия — она когда хороша?

— Когда?

— Когда у тебя есть два раба.

— Это — Платон. Он был примитивный мудак.

— Гений.

— Урод.

— Умница.

— Приспособленец, идеалист. И вообще, он все спер. Или так боялся выдать свое за свое, что прикрылся плагиатом со страха.

— Ну ты на святое?

— А когда это Платон стал святым? — Васнецов задыхался.

— Ладно, ладно, ничья,— сказал Игорь Моисеевич.

— Иди к черту,— огрызнулся Васнецов.

— Мне, кстати, пора,— сказал Игорь Моисеевич и как-то незаметно исчез.

Вот ведь скотина какая, подумал Васнецов, но вслух прокричал:

— Удачи!

Эксперимент

Как настоящий философ Васнецов был далек от экспериментов, а как директору предприятия — которому всегда были нужны деньги, ибо учреждения культуры всегда нуждались,— практические упражнения ему были очень важны. С помощью мэра и малоизвестного энтузиаста — администратора сети Егора — он создал собственный маленький ИИ. И этот ИИ ботом стал путешествовать по системе.

Письма, просьбы, отчеты, проекты, обоснования заполнили ящики всех лиц, причастных и непричастных к финансированию объектов культуры. И на глазах стало происходить чудо: о музее заговорили, директора стали звать на всякие мероприятия и совещания, рекламировать и продвигать в советы.

А кто у нас директор? Товарищ Васнецов.

Но оказалось — паблик сделать легко, а деньги — нет. Только неприятности посыпались на голову мэра. В его адрес шли резолюции: поддержать новатора, выделить деньги и т.п. А денег у мэра не было.

Назревал конфликт. Экзистенциальный. Они были родственными душами, но не могли существовать вместе.

Черная дыра включила обратный отсчет. И выждав какое-то время, попросила Васнецова написать заявление по собственному желанию. Так готовился распасться невероятный альянс коня и лани трепетной.

Срань подзаборная

Васнецов заявления не написал. Мэра вызвали наверх. Там узнали о давлении, оказанном на талантливого организатора местной бюрократией. Бот написал по привычке. ИИ — это вам не хухры-мухры.

— Пиши заявление,— сказал мэру областной чиновник.

— Нет,— ответил мэр.

— Ну смотри, пожалеешь,— сказал верх.

— Посмотрим,— сказал низ.

Вернувшись к себе, мэр позвал Егора, который помогал создавать ИИ, и объяснил ситуацию. Егор кивнул, и в центр полетели письма про давление на муниципалов со стороны региональных властей и попытки втянуть в свои игры талантливого деятеля

культуры, известного краеведа и знатока товарища Васнецова.

Сингулярность васнецовская

В результате всех событий, произошедших после начала работы скромного ИИ имени товарища Васнецова, из центра прибыла комиссия. Регионального чиновника крепко пропесочили.

— Вы что тут развели?

— Я старался, он же вами приподнятый, я думал...— мямлил знатный регионал.

— Вы дурак,— говорил молодой столичный бюрократ.

— Понимаю: не учел, не досмотрел.

— Приходится нам работать за вас.

— Понимаю.

— Тащите говно наверх,— продолжал молодой.

— Виноват,— отвечал заслуженный.

А Егора приняли на работу в центральный аппарат.

— Хотите работать в центре? — спросил Егора молодой бюрократ из центра.

— А кто не хочет? — ответил Егор.

— Тогда расскажите, как все было.

— Мне скрывать нечего.

Васнецова и мэра уволили, а потом посадили за попытку расшатать, вбить клин и вообще за самодеятельность, самоуправство и использование искусственного интеллекта в личных целях.

Вдобавок ко всему Васнецову запретили заниматься философией, а мэру — черными дырами.

Сидят они в разных колониях. Сидеть им еще долго.